

КОМУ ВЫГОДНО ТИРАЖИРОВАНИЕ НЕТЕРПИМОСТИ?

К сожалению, я не очень хорошо понимаю смысл Russian Hate Speech Project, поэтому выскажу свои соображения по поводу полученных мною материалов в той форме, которая кажется мне наиболее подходящей.

Я их прочитал все, хотя и не понял, зачем. В медицине для определения состояния организма или уточнения заболевания тоже используется метод анализа некоторых субстанций. Правда, ни один врач не требует, чтобы пациент собрал и принес весь свой кал. Обычно ограничиваются неким минимумом, который позволяет сделать необходимые выводы. Зачем же в данном случае набирать такое количество того самого практически однородного газетного дерьма? До такой степени гомогенного, что в любой его частичке воспроизводится весь запах.

Причем врач, как правило, знает, что он ищет и знает, как лечить то, что он обнаружит в ходе исследования. Организаторы исследования тоже знают, что они ищут, но что они будут делать с болезнью, о существовании которой они знают и без всяких анализов?

У меня есть знакомые, которые потратили половину своей жизни на мониторинг антисемитизма в России. Выпущенные ими бюллетени заполняют не один книжный шкаф. И что?

Поэтому я не буду подсчитывать темы, слова, образы, свидетельствующие о том, что их автор параноик. Я это вижу сразу, иначе какой же я эксперт. Я попробую высказаться по существу болезни.

Последние годы в России отмечены резким всплеском межнациональных, межконфессиональных конфликтов, которые порой приводят к кровавым столкновениям. И хотя специалистам понятно, что в основе этих конфликтов лежат демографические, экономические, экологические, технологические, политические, а также социокультурные факторы, которые отражают различия в менталитете, культуре, религии, образовании, этике разных народов и цивилизаций, многие обвиняют российскую прессу в том, что эпидемия национальной и религиозной нетерпимости обрушилась на общество именно по вине журналистов. Иногда обвиняют всю прессу чохом, иногда – только негосударственную прессу.

С другой стороны, именно к СМИ обращаются те, кто стремится остановить процесс сползания России в грязное болото ксенофобии. Но и те, и другие рассматривают масс-медиа, как самый мощный инструмент влияния на происходящие в обществе духовные процессы. И те, и другие хотят руководить информационными процессами, в частности, процессом доступа граждан к информации. Мало кто осмеливается произносить вслух слово «цензура», (хотя есть и такие). Но и о том, чтобы опереться на журналистскую саморегуляцию, говорят еще меньше. Чаще всего речь идет либо о принятии неких государственных регламентирующих документов, либо о введении неких наблюдательных (общественных) советов, которые и будут определять, о чем и как должны сообщать журналисты в такой деликатной сфере, как межэтнические и межконфессиональные отношения.

Активно реализуются проекты, направленные на просвещение журналистов. Безусловно, реализация этих проектов сыграла свою положительную роль. По крайней мере, само слово «толерантность» уже вошло в наш обиход. Правда, следует отметить, что разные люди вкладывают в это понятие разные смыслы. Лингвисты понимают под толерантностью терпимость, снисходительность к чужим недостаткам. Политологи рассматривают толерантность как способность человека, сообщества, государства

слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать мнение, отличное от своего. Психологи используют это понятие для обозначения способности понять другого человека, способности проникаться и понимать ощущения других людей. В этом смысле толерантность раскрывается через понятия дружелюбия, спокойствия, мирной настроенности, как антипод агрессивности, злобности и раздражительности¹.

Инвариантом всех этих толкований является морально-нравственная установка человека на терпимость, снисходительность, понимание другого. Толерантный человек - это человек, который с уважением относится к интересам, привычкам, верованиям других людей, стремится понять их и достичь взаимного согласия без применения насилия, давления.

На мой взгляд, это чрезмерно узкое толкование данной категории. Представляется возможным рассматривать толерантность как характеристику любых социальных структур - отдельного человека, социальной группы, общественного института или общества в целом, - фиксирующую специфическую ориентацию на разрешение конфликтных ситуаций, возникающих в процессе взаимодействия с другими социальными структурами. Специфичность этой ориентации заключается в стремлении понять позицию другой стороны, объяснить ей свою позицию и в процессе диалога найти взаимоприемлемое компромиссное решение. Категорией, противоположной по своему социальному смыслу толерантности, является экстремизм, опирающийся на насилие как главный инструмент решения проблем.

Таким образом, толерантность есть не только нравственная характеристика отдельного человека, но и специфическая технология взаимодействия людей, такая технология, которая обеспечивает достижение целей через уравнивание интересов, убеждение сотрудничающих сторон в необходимости поиска взаимоприемлемого компромисса².

¹ Говоря о толерантности, невозможно обойти вопрос о мультикультурализме. Дело в том, что, на мой взгляд, толерантность представляет собой лишь одну из граней сложной проблемы становления гражданского, открытого общества. Другой гранью, тесно соприкасающейся с толерантностью, но не сводимой к ней, является мультикультурализм. Этим понятием обычно обозначают комплекс идей и действий различных социальных субъектов (государственных и иных организаций) направленных на равноправное развитие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных препон в административной карьере и т.д. Другими словами, если толерантность выступает как психологическая или социально-психологическая характеристика взаимодействующих индивидов и социальных групп, проявляющаяся в их взаимодействии с другими индивидами или социальными группами, то мультикультурализм означает содействие сосуществованию различных культур в одной стране. Таким образом, толерантность и мультикультурализм представляют собой тесно связанные, но не идентичные понятия.

Проблемы мультикультурализма для России чрезвычайно важны. Есть настоятельная необходимость бороться за то, чтобы не только на межличностном уровне, но и на уровне управленческой практики, включая деятельность органов правопорядка, различные социальные структуры, и прежде всего органы власти, обеспечивали уважение прав человека и основных свобод для всех, без различия по признаку расы, пола, языка, национальной принадлежности, религии или состояния здоровья. На государственном уровне такой подход требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебно-процессуальных и административных норм, предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации.

² Предвосхищая дальнейший разговор, полагаю необходимым уже здесь заявить, что так понимаемая толерантность есть предпосылка, условие и одновременно продукт либерального, демократического общества. Только в обществе, признающем в качестве высшей ценности и главного богатства свободную суверенную человеческую личность, толерантность становится естественным атрибутом цивилизованности. И наоборот, в обществе, где к идее суверенной личности относятся с подозрением, толерантность также рассматривается как синоним мягкотелости и неумения бороться "за светлые идеалы".

Поскольку Россия ни экономической, ни политической свободой никогда не отличалась, то ни практических, ни теоретических основ либерализма для себя не выработала. Русская историческая традиция от славянофилов до Солженицына неизменно отрицала западный либерализм во имя внутренней религиозной свободы. Законность и право как "этические минимумы" человеческой жизни третировались как формы внешнего ограничения и принудилки. Они казались чуждыми высоким идеалам подлинной духовной свободы.

Говоря о толерантности, можно предложить следующие параметры этой категории:

А) Уровень толерантности. Если исходить из предложенной выше оппозиции "экстремизм-толерантность", то можно предположить, что высшая точка толерантности связана с идеей непротивления злу насилеи и следованием принципу: если тебя ударили по правой щеке, подставь левую. Нормальная, средняя степень толерантности обозначена максимой "Око за око, зуб за зуб" и минимальная толерантность описывается тезисом "Если враг не сдается, его уничтожают".

При таком подходе толерантность становится измеряемой характеристикой как личности, так и общества и дело за малым: определением индикаторов и разработкой социологического инструментария, позволяющего более или менее точно определить степень толерантности с помощью определенной шкалы.

В качестве гипотезы можно предположить, что есть социальные структуры, изначально ориентированные на агрессию, на силовое решение проблем, и есть структуры, в большей степени ориентированные на переговоры, на поиск согласия, на компромисс.

Б) Субъекты толерантности. Под субъектами толерантности понимаются различные индивиды, социальные группы, общественные институты, на которые распространяется принцип толерантности, с которыми возможен поиск компромисса. Понятно, что перечень таких субъектов у каждой социальной системы разный. Так, Аслан Масхадов для российского правительства не является субъектом переговорного процесса, а для кого-то является. Для одних журналистов такие структуры, как МВД, Армия, ФСБ, парламент, выступают субъектами толерантности, то есть могут требовать уважительного отношения, понимания, снисходительности, а для других они достойны только осмеяния, остракизма и ненависти.

Специфическим субъектом толерантности является власть в целом. Для одних журналистов представляется совершенно естественной мысль о том, что средства массовой информации обязаны почти постоянно находиться в конфликте с властями и большим бизнесом. СМИ, по их мнению, играют роль сторожевого пса демократии и бдительно следят за тем, чтобы властные структуры соблюдали демократические "правила игры". Некоторые российские журналисты усвоили эту нехитрую логику противостояния и считают делом доблести, чести и геройства постоянно выставлять власть в комическом, пародийном свете, считая, видимо, что тем самым они помогают становлению демократии в России. Думаю, что на самом деле, они безответственно затаптывают неокрепшие ростки демократии, создают ту атмосферу, когда власть критикуют не за ошибки, а просто потому что она власть.

В) Предмет толерантности. Под предметом толерантности понимается та характеристика личности, социальной группы или иного объединения людей, которая может быть полем согласования интересов, взаимопонимания, поиска компромиссов. Понятно, что у разных субъектов предмет толерантности может быть разным. Один готов примириться с тем, что кто-то верит в другого бога, но ни за что не признает его право

Эта традиция жива и сегодня. Авторы многих появляющихся в прессе публикаций настойчиво стремятся развенчать "либерально-рационалистический миф", повинный, по их мнению, в повсеместно наступившем культурно-экологическом кризисе и требуют предпринять экстраординарные меры по его преодолению.

Зато насилие как средство решения различных, в том числе и политических проблем имеет среди российских журналистов немало сторонников. Российские радикалы и экстремисты относятся к сторонникам ненасильственных способов решения политических задач весьма насмешливо. В России экстремизм и его крайняя форма - терроризм всегда вызывали интерес у определенных групп населения, которые могли обратить на себя внимание только посредством диких эксцессов и у интеллектуалов, выражавших интересы этих групп. Достаточно напомнить Нечаева с его лозунгом: "Нравственно то, что служит революции". Конечно, терроризм в России тоже был разный. Большевиком устами В.И.Ленина хотя и осуждал индивидуальный террор (не с этических, а методологических и стратегических позиций), ставил в заслугу народовольцам то, что они своим героическим террористическим методом борьбы способствовали последовательному революционному воспитанию русского народа.

Российские журналисты и сейчас много и со вкусом пишут об экстремистах всех мастей, так много, что невольно закрадывается подозрение, что именно этот тип политического поведения представляется им наиболее "интересным".

иметь иные политические взгляды. Другой, наоборот, готов не обращать внимания на политические взгляды, если есть совпадение в религиозной принадлежности. Третий не может поступиться некоторыми нравственными императивами, которые не могут быть для него предметом торга.

Другими словами, у каждого человека, каждой социальной группы, каждого общества есть некие пределы, некие зоны, где толерантность не допускается и есть предметы, по отношению к которым звучит знаменитое "Не могу поступиться принципами".

Предметное поле толерантности можно изобразить в виде некоей розы ветров, где векторами являются религиозные, политические, экономические, нравственные и иные взгляды.

Кроме того, следует выделить факторы, влияющие на параметры толерантности.

Первый фактор – общая социальная ситуация, в которой живут люди. Трудно быть терпимым, снисходительным, уважительным, если вокруг рвутся мины и стреляют в затылок. Чем выше уровень общественного напряжения, тем выше агрессивность и нетерпимость людей.

Второй фактор - ситуация в конкретном сообществе, членом которого является индивид³.

Третий фактор - специфический тип культуры межличностных и социальных отношений. К этой проблеме я и хотел бы перейти.

Для меня толерантность не только теоретическое понятие, но и элемент определенной культуры жизни, определенной культуры поведения. Под культурой я понимаю совокупность знаний, ценностей и норм, которые определяют нашу жизнь. Можно предположить, что в фундамент так понимаемой культуры может быть вписана и толерантность. Но ее там может и не быть. И если ее там нет, то мы можем сколько угодно рассуждать о толерантности, но в жизни ее не увидим. Это все равно как рассуждать о боли с человеком, который по каким-либо причинам боли не чувствует. Он будет кивать головой и вообще поддерживать беседу, но понять тебя не сможет.

Стоит ли удивляться тому, что сегодня для многих россиян характерны ненависть к приезжим, презрение к инвалидам, желание «очистить Россию от иностранной скверны», искоренить «нетрадиционные религии» и фундаменталистов и т.д. Участились проявления нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, антисемитизма, отчуждения, дискриминации по отношению к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, беженцам, рабочим-мигрантам, иммигрантам и социально наименее защищенным группам в обществах. Есть факты насилия и запугивания в отношении отдельных лиц, осуществляющих свое право на свободу мнений и выражение убеждений.

Все это говорит о том, что прежде чем наращивать усилия по пропаганде толерантности, надо проанализировать причины интолерантного поведения как населения, так и журналистов. Чаще всего в качестве такой причины называют нашу ненормальную жизнь, которая, дескать, заставляет людей быть нетерпимыми. Вероятно, доля правды в таком утверждении есть. Но только в том смысле, что бессмысленно учить

³ Надо ли говорить о тех трудных условиях, в которых приходится работать российским журналистам? Я имею в виду и внушающее глубокую тревогу материальное состояние всех структур, отвечающих за информационное обеспечение населения; и низкую заработную плату большинства работников средств массовой информации; и постоянные попытки достаточно разных по политическим симпатиям и степени влияния сил подчинить себе СМИ или, по крайней мере, выйти на реальные рычаги управления ими. Приходится констатировать, что средства массовой информации, с одной стороны, попали под жесточайший экономический пресс рыночных отношений, а с другой - продолжают испытывать давление властных структур, пытающихся управлять ими старыми методами. Одновременно произошло резкое снижение платежеспособности массового потребителя информации. Все это в совокупности принципиально изменило ситуацию на информационном рынке России. Понятно, что ожидать от озлобленных профессионалов такого деликатного чувства как толерантность, не приходится.

толерантному поведению до тех пор, пока вокруг будут образцы успешного интолерантного поведения. Однако и сама жизнь, и анализ показывают, что в одних и тех же условиях одни люди стараются унижить, оскорбить другого человека, использовать его в качестве инструмента достижения своих целей, а другие не могут этого себе позволить, реализуя даже в самых беспощадных условиях жизни нормы толерантного поведения.

Следовательно, нужно понять культуру отношений в обществе и культуру журналистики, которая эти отношения поддерживает. Начинать поиск особенностей поведения журналиста в рамках формирования установок толерантного поведения надо с понимания того, что собой представляет реальная российская культура. Культура отношений между людьми, культура отношения к своей работе, культура отношения к своей семье, культура отношения к другим, к иным, инаким.

Что же такое «язык вражды»?

Я думаю, что более или менее точным эквивалентом этого чересчур метафорического понятия является термин «речевая агрессия». Речевая агрессия – это специфическая форма речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего. Обычно выделяют два варианта речевой агрессии в текстах. Во-первых, прямой призыв адресата к агрессивным действиям. («Время беспечности и празднословия прошло. Настало время действия»). Во-вторых, это формирование или поддержание у адресата агрессивного состояния. («Кубанцам не привыкать к высказываниям центральных средств массовой информации, в которых происходящие у нас события преподносятся в искаженном, извращенном виде»)

В чем причины существования и развития речевой агрессии?

Можно выделить три комплекса причин: социально-психологические, общекультурные и личностные.

Что касается социально-психологических причин, то речь идет о том, что одной из главных целей любой религиозной, этнической или культурной группы является воспроизводство и развитие собственной материальной и духовной жизни и необходимых условий для такой жизни. В ситуации, когда и на необходимые для жизни условия, а самое главное, на сами правила жизни посягают другие группы, которым тоже нужно социальное пространство, возникает растерянность, страх, формируется враждебность. Нынешняя жизнь представляет каждому большой выбор таких ситуаций. Следующий шаг – поиск виновного в возникновении такой ситуации. Понятно, что таким виновным может быть только кто-то «иной». На этого «иного» и направляется агрессия. Если она не может быть выражена в простой физической форме, она приобретает форму языковой агрессии.

Простейший анализ дает основание для выделения четырех главных врагов большинства притесняемых россиян. (А большинством, по статистике, являются люди, идентифицирующие себя с русским народом).

Первый враг – это власть, чиновники, бюрократы, начальники и прочие имеющие некие льготы в плане получения жизненных ресурсов.

Поскольку самые богатые чиновники живут в Москве, то Москва становится тоже врагом – городом жирных, сытых, наглых людей, одним словом, не россиян.

Третий враг – этнические чужаки: чернокожие, черножопые, жида, чурки и так далее.

Четвертый враг, Запад, конкретно американцы, которые почему-то живут лучше нас да еще имеют наглость нам помогать.

Понятно, что иерархия врагов у разных параноиков разная, но это уже детали.

Что касается общекультурных причин речевой агрессии, то речь идет о том, что накопленный в современной науке и публицистике материал позволяет вычленил следующие наиболее общие характеристики сложного явления, обозначенного понятием “современная бытовая культура межличностных отношений”⁴.

Отказ от личности, индивидуальности, самостоятельности в сфере производственной и общественно значимой деятельности и сознательное “растворение” себя в каком-нибудь “Мы” - реальном или вымышленном.

Но там, где есть “Мы”, там обязательно есть “Они”. Многие до сих пор искренне верят в то, что для российской культуры нехарактерен расизм и ксенофобия. Однако это не так. Большинство россиян четко делит представителей различных народов, социальных и конфессиональных групп на «наших» и не «наших».

Подозрительность и агрессия по отношению ко всем, кто не “Мы”.

Вынесение врага за рамки социума, его демонизация в контексте мирового заговора - очень характерные приемы и, более того, основы мышления значительной части наших современников, которые в принципе не способны к признанию собственных ошибок. Ведь раскаяться - значит перестать требовать что-либо от кого-то, перестать завидовать и искать виновных. А в нашей природе - постоянное перекладывание вины на кого-то, на те или иные внешние причины и силы. Вся наша история - поиск и озлобленная война с виноватыми, если их удавалось найти.

Недоверие к материальному благополучию, зависть к богатым.

Из всего богатства христианского вероучения российская (а впоследствии советская культура) восприняла в качестве одного из своих краеугольных камней положение о том, что “легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное”. Проникновение в Россию во второй половине XIX века социалистических учений лишь помогло артикуляции народного неприятия богатства, частной собственности (а заодно и прав личности, противопоставляющей себя большинству) и многих других, естественных для западной цивилизации ценностей.

И сегодня многие полагают, что бедным быть, в принципе, “нормально”. Самое неприятное для этих людей заключается не в том, чтобы влачить жалкое существование, а в том, чтобы быть хуже людей: “Ну и что ж, что бедны, - живем, как все”. “Как все” можно жить на любом, сколь угодно низком уровне. То есть речь снова идет о постоянном стремлении быть среди “своих”, но в качестве своих предпочтительнее “бедные”, ибо пребывание в бедности позволяет, во-первых, не очень напрягаться, во-вторых, чувствовать себя более духовным и близким Богу.

Эта точка зрения: нищета есть духовность, благополучие есть бездуховность - достаточно популярна в среде российских публицистов определенного толка. Отсюда - новый виток изоляционизма и мессианства. Отсюда - фантастическая модель будущей России как оплота нравственности в мире бездуховного чистогана. Отсюда - “русский” ответ на вопрос “Что делать?»: стать духовниками, нравственными путеводами человечества, направивши все сердце на стоическое неприятие тотальной власти денег.

Но с другой стороны, изнанкой такого подхода являются чрезвычайная популярность различных лотерей, игровых автоматов, мультфильмов про некоего Емелю, который сидит на печке (в то время как его братья работают в поле) и ждет удачи (и непременно дожидается, поскольку именно ему как раз и улыбается счастье). И если внимательно всмотреться в это противоречие, становится понятным, что богатство - само по себе не предосудительно; предосудительно бороться ради материального

⁴ Надо ли объясняться по поводу того, что другие культуры, возможно, ничем не лучше? Надо ли говорить о величии созданной в России духовной культуры?

благополучия, проявлять инициативу, экономить, копить. И это тоже - характерный штрих в общей картине нашей культуры⁵.

Неуважение к праву, правовым институтам общества.

Очень многие люди убеждены в правомерности насилия и вообще криминального поведения (если есть возможность как-то его оправдать).

Такое положение, разумеется, сложилось не вчера. С.С.Аверинцев показал, что разница между западной культурой, опирающейся на католическую традицию, и византийско-русской культурой, выросшей из православия, отчетливо выражается в отношении к закону. Западная культура опиралась на представление о том, что все индивиды находятся в некотором пространстве внеличного закона, который и регулирует отношения между ними, а для русской культуры характерно требование, чтобы все отношения между людьми регулировались чистыми чувствами, без всякой опосредованной роли закона.

Запад рассудочнее, рациональнее, опытнее; боясь греховной человеческой души, он пытается ограничить человека рамками условностей. Не доверяя человеческой природе. Запад дает возможность каждому человеку установить необходимую дистанцию, своеобразный "санитарный кордон", препятствующий излишней близости, охраняющий человека от фамильярности, предпочитая жизнь достойную, без опасного раскрепощения, приводящего к непредвиденным последствиям. Россия всегда верила в естественного человека и пыталась его раскрыть, раскрепостить, развязывая вместе с другими узлами и самые дурные инстинкты, страдая от этого, мучаясь, но в этом страдании, мучении живя страстно и безоглядно.

Отечественная журналистика демонстрирует множество примеров того, к чему приводит эта ориентация не на правовые, а на страстно-личностные способы разрешения конфликтов.

Постоянная неуверенность, растерянность, фрустрированность.

Эта особенность советского (а ныне российского) человека хорошо известна каждому, кому приходилось сравнивать наших соотечественников с представителями западной культуры. Разница в поведении определяется тем, что частная жизнь правопослушного гражданина в США неприкосновенна. Более того, все правительственные учреждения, в том числе и правоохранительные, обязаны всесторонне информировать население о своей деятельности. У нас же, несмотря на то, что задача правоохранительных органов формально состоит в том, чтобы охранять права граждан, именно эти органы вызывали и вызывают у людей наибольший страх. Причиной тому не только история страны, но и правовая безграмотность: незнание прав и обязанностей граждан по отношению к правоохранительным органам и, наоборот, прав и обязанностей органов по отношению к гражданам.

Фатализм, переходящий в нигилизм.

Еще одной особенностью российской культуры является глубокий фатализм. Фаталист - это человек, полагающий, что существует некий самодействующий механизм (будь то механизм счастья, социального устройства, судьбы и т.д.), который так или иначе, но обязательно "вмешивается" в его жизнь. Человек, думающий о своем месте в мире и личном достоинстве, напротив, исходит из того, что всегда есть возможность

⁵ Как пишет по этому поводу Татьяна Толстая «В России все хотят разбогатеть, но не любят разбогатевших. Причем не только за пределами и вызывающе богатых, не только очевидно живущих на несправедливые средства, но любого, кто, у всех на глазах тяжко трудясь на незавидной работе, накопил себе денежек и покупает, ест или строит... **Деньги в сознании русского человека – это зло, но зло вожделенное;** сознавая, что мы вождедем дурного, мы стыдимся, убеждаем себя и других, что вовсе мы этих денег не хотим, что это просто так, деваться некуда, а так мы ни-ни». Аргументы и факты, № 5 январь 2002 г.

самореализации, что она зависит только от него, от его собственного труда и духовного усилия, направленных на освобождение и развитие его личности.

Этот фатализм проявляется в ставших нарицательными русской безответственности и непрактичности.

Совершенно очевидно, что предъявленный выше список качеств культуры, влияние которой на поведение современного россиянина бесспорно, далеко не полон и не системен. Я и не ставил перед собой цель дать исчерпывающее описание данного феномена. Эта тема еще ждет своих исследователей. Моя задача значительно скромнее - определить некоторые существенные особенности той культуры, под непрерывным воздействием которой мы живем.

Есть все основания полагать, что культура в том ее виде, в котором она представлена выше, начинает разрушаться. Ей на смену идет новый духовный инструментарий, основой которого явится, скорее всего, эгоцентрическая культура. Отмечавшаяся многочисленными исследователями как в нашей стране, так и за рубежом склонность россиян к коллективизму, социальной справедливости, уравниванию доходов - в настоящее время распадается. В действительности в стране преобладает оголтелый индивидуализм, являющийся естественной реакцией на насильственный коллективизм. Маятник "коллективизм-индивидуализм" сейчас резко качнулся в сторону индивидуализма, и поскольку баланс пока не найден, уравновесить эти крайности попросту нечем.

Безусловно, у определенных социальных групп эгоцентрическая культура начинает доминировать. Однако носители других типов культурных кодов тоже не сдают позиций. Они всячески противятся формированию и развитию культуры, центрированной вокруг идеи человеческой, индивидуальной суверенности. Более того, можно наблюдать совершенно невероятный импульс к тому, что можно назвать новой коллективизацией сознания. Причем если в советские времена коллективизация была насильственной, то сейчас речь идет о коллективизации добровольной, что в какой степени ставит вопрос о том, действительно ли прежняя коллективизация была такой уж насильственной. Под лозунгом «Создадим в России гражданское общество» люди объединяются в самые экзотические структуры.⁶ В прессе уже отмечалось, что место великого и могущественного "Мы" тоталитарной империи теперь заняло "Мы" религии, национализма, демократии, антикоммунизма. Каждое из этих "Мы", заряженное энергиями собственной правды и нетерпимости, как и прежде, манипулирует языком абсолютных категорий и всеобъемлющих идеологий. Изменились лишь священные пароли: теперь ими стали "духовность", "традиции", "права человека".

Хотелось бы также высказать еще одну мысль по поводу культурных основ «языковой агрессии». Повышение агрессивности и переход к жестким формам насилия, в том числе и в языковой форме, не в последнюю очередь связан с распадом монополии государства на насилие. (Видит бог, я был и остаюсь либералом и отнюдь не желаю усиления роли государства, особенно в специфически российских формах. Но надо отдавать себе отчет в том, что если общество и граждане привыкли к насилию как средству разрешения конфликтных ситуаций, а один из субъектов общественной жизни, в данном случае государство, стали реже пользоваться насильственными технологиями, то кто-то другой перехватит инициативу). Идею насилия перехватывают организованные группы людей, а иногда и отдельные граждане.

⁶ Хочу быть правильно понятым. Я не против гражданского общества и не против права людей объединяться по интересам. Я только полагаю, что наличие множества объединений граждан не имеет никакого отношения к гражданскому обществу, конституирующей идеей которого является идея суверенного ответственного гражданина.

Эта борьба за право на насилие опирается на разветвленную систему представлений и ценностей, которую можно обозначить общим понятием «культура агрессии» или «культура войны».

Поскольку жизнь по законам «культуры войны» для многих затруднительна, коллективный разум человечества выработал иные версии:

- 1) культура пацифизма и ненасилия;
- 2) культура мира и солидарности.

Культура пацифизма и ненасилия будучи весьма привлекательной, не предлагает никаких мер для устранения несправедливости, неравенства и угнетения. В связи с этим, возникла и поначалу активно разрабатывалась новая парадигма человеческого взаимодействия, обозначенная как культура мира. Правда, сейчас об этой концепции как-то тихо забыли.

Наконец, не стоит сбрасывать со счетов еще и сугубо профессиональные, точнее лично-профессиональные причины речевой агрессии.

Во-первых, это низкая интеллектуальная и соответственно низкая речевая культура, когда журналист не умеет мыслить, не умеет выражать свои рыхлые, расплывающиеся мысли и замещает точность высказывания эмоциональностью речи.

Во-вторых, журналист, обаянный идеей (а в прессе, особенно провинциальной, много журналистов «с идеей»), стремится использовать все возможные речевые ресурсы для того, чтобы та идея, которой болен он, стала всеобщей болезнью. Стремление навязать аудитории свой взгляд, свое видение – давняя особенность российской публицистики.

Что же делать?

Если есть «язык вражды», следовательно, есть (или должен быть) «язык мира». Что такое «язык вражды» более или менее понятно, а вот что такое «язык мира» необходимо прояснить.

Это лингвистическая реализация особого, мирного сознания, сознания, ориентированного на использование в процессе разрешения возникающих конфликтов не конфронтационных, силовых технологий, а договорных, компромиссных технологий. Следовательно, должна быть поставлена и решена задача анализа позитивной сущности «мирного сознания» и возникающих на его основе «языков мира». (Сейчас никаких разработок в это сфере не существует. Есть лишь перечни «плохих слов» и заклинания на тему недопустимости разжигания всяческой розни). Все это ставит в повестку дня вопрос об изменении коммуникативной стратегии в целом. А это уже вопрос создания публичной политики, открытого общества, одним словом, выращивания фундаментальных ценностей европейской политической и коммуникативной культуры. Только в том случае, если произойдут эти глубинные трансформации, можно будет всерьез требовать от СМИ - будь то государственных, общественных или частных, чтобы они заменили конфронтационные модели освещения событий на аналитические и обеспечивали аудиторию справедливой и взвешенной информацией.

Должны быть решены еще несколько задач:

1. Необходимо обеспечить подлинную, а не фальшивую прозрачность социальных процессов.
2. необходимо противодействовать любым попыткам манипулирования общественным мнением.
3. Необходимо раскрывать враждебную культуре мира суть любой националистической, культурно-изоляционистской мифологии, выдающей себя за сущность национальной культуры.

4. Необходимо показывать реальную эффективность договорных технологий человеческого взаимодействия и принципиальную ущербность конфронтационных технологий.

Общий вывод из сказанного выше может быть сформулирован следующим образом. Не стоит уповать на то, что критикой «языка вражды» и демонстрацией образцов толерантного поведения можно изменить общую атмосферу в обществе и стране. Понадобится долгий и трудный путь пересмотра многих казавшихся незыблемыми представлений и культурных установок. Какую-то роль в этом процессе могут сыграть и средства массовой информации. При условии, что сами журналисты будут овладевать новой профессиональной культурой, которая отвечала бы нынешнему этапу развития России. Вероятно, можно воспользоваться американской концепцией гражданской журналистики, которая хорошо ложится на российские традиции, связанные с журналистикой народничества, качественной журналистикой эпохи Анатолия Аграновского и т.п. А может быть, мы сумеем выработать какую-то свою концепцию новой журналистики. Но ясно одно: нынешняя журналистика, не имеющая отчетливого представления о новых смыслах профессии, плохой помощник в деле формирования толерантности.